

Шматкова Ирина

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ЛИЧНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В БЕЛОРУССКОЙ
ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

В статье рассматривается воплощение личных и общечеловеческих ценностей в белорусской женской поэзии второй половины XX века. На примере творчества Е. Янищиц, Н. Матяш, Г. Корженевской, Р. Боровиковой и др. анализируются ведущие поэтические образы, которые составляют основу духовного мира белорусских поэтесс.

Ключевые слова: личные и общечеловеческие ценности, гуманизм, мораль, белорусская женская поэзия

Вопрос о личных и общечеловеческих ценностях, духовных идеалах является актуальным во все времена. Человек ещё с древних времён почувствовал потребность в духовном самовыражении, почувствовал связь между собственными взглядами и нравственным состоянием общества. В определенные периоды своего развития общество пыталось перенести идеи духовности и гуманизма на второстепенное место. Общечеловеческие ценности были нивелированы, и тогда человеческая духовность нуждалась в возрождении. Под влиянием различных катаклизмов XX века, которые постигли наше общество, процесс поиска универсальных идеалов ускорился. Хотя «духовные и социальные идеалы – это исторически движущееся, изменяющееся явление, на них нельзя рассчитывать как на какую-то окончательную и абсолютную истину» [12, с. 14]. Однако полностью согласиться с этим мнением нельзя. Если личные и социальные идеалы действительно изменчивы, то духовные, общечеловеческие идеалы, как показывает и убеждает история, вечны. В первую очередь, это касается религиозных, христианских ценностей. Как утверждает О. Жилевич, творчество многих авторов как раз таки и направлено на то, чтобы помочь читателю – нашему современнику – «открыть первостепенность духовных ценностей» [11, с. 53].

Белорусской литературе конца XX века характерен процесс утверждения «спасительной миссии религиозных идей, которыми должна быть наполнена вся человеческая культура» [9, с. 24]. В произведениях стали широко развиваться сюжеты и мотивы из Библии, из забвения вышли образы религиозных просветителей и гуманистов (Франциск Скорина, Кирилл Туровский, Симеон Полоцкий и др.). В то же время в белорусской поэзии XX века преобладает представление о том, что дух человеческой религиозности зависит не столько от знания библейской истории, не от религии в целом, сколько от человечности самого человека [9, с. 24]. Именно христианские ценности в сочетании с нравственными и гуманистическими идеалами легли в основу художественного мира белорусской женской поэзии второй половины XX века.

Воплощение гуманизма и христианских идей в творчестве белорусских поэтесс – явление своеобразное. Они не догматизируют вечные истины и ценности, не провозглашают их, а пропускают через свое сердце. При этом раскрывается национальная специфика мировоззрения, заключающаяся, прежде всего, в тесной связи христианских и народных культурных традиций. Каждую из поэтесс интересует главное и существенное, освещающее нравственный и гуманистический смысл бытия. Например, в стихотворении Н. Матяш «Цветок

папоротника» лирическая героиня ставит вопрос о вечном и временном: *“Шчыравала сотні эпохаў ты, // Агну спрадвечнага іскрынка жывая // Пад гэтым часовым няўдалым назовам // “Мая душа”? // Бо плоць і мая для цябе – // Толькі чарговая – з безлічы – абалонка”* [17, с. 228–229].

Поэтесса акцентирует внимание не на самом празднике поисков цветка счастья, а на благополучии вечной души. Вообще духовность – отличительная черта ее творчества. Г. Семашкевич утверждает по этому поводу: «Говоря об индивидуальном творческом образе Н. Матяш, следует выделить в нем как главное стремление к духовному наполнению поэзии» [19, с. 160].

Обожествление и одухотворение окружающей природы пришло в белорусскую поэзию с дохристианских времен. Поэтессы превозносят значение каждой травинки, мельчайшего живого существа (стихотворения Е. Янищиц «Пльви, река!», «Ночные стрижи», «Птица»; Н. Матяш «Паучок», «Бабочка», «Ель», «Лозинка»; Р. Боровиковой «Река», «Шиповник у долины» и др.). В стихотворении «Трава» Е. Янищиц опасается, что машина врежется в зеленый ковер. По признанию Н. Матяш, она учится жизни у деревьев (стихотворение «Учусь у деревьев»). Р. Боровикова приветствует каждую гроздь рябины (стихотворение «Рябиновая гроздь»). Природа, пейзажные образы согреваются чувством привязанности – это гуманность личности каждой из поэтесс. Их любовь к миру глубокая и всеобъемлющая.

Человек – один из главных образов в творчестве поэтесс. По словам М. Бердяева, «человек – это микрокосмос, центр бытия, солнце, вокруг которого все вращается. Все есть в человеке и для человека. В человеке – тайна мировой жизни» [2, с. 263]. Н. Шклярва создает гимн-поэму «Человек», в котором припев в трех строфах – это слово с большой буквы: *«Ён – // Чалавек»* [21, с. 10]. Но кто он, «венец творения»? Философы и поэты давно интересовались этим вопросом. Они находят решение внутри человека. Как отмечает М. Бердяев, человек – это «основная истина человеческого познания, и основная истина, предопределенная возможностью познания» [3, с. 78].

Н. Матяш в стихотворении «Загляни в себя» призывает человека всмотреться в свой внутренний мир, где есть всё, прочувствовать в нём и греховное и светлое: *“Ёсць такі куток, // Дзе чарней начы асенняй // Змрочны мкне паток”* и *“Ёсць такая шыр, // Дзе пануе неасяжны // Шчассямоўны мір”* [17, с. 215–216]. И мрачное, и божественное сосуществует в одном и том же существе – человеке. С аналогичной просьбой обращается поэтесса к читателю, рассуждая: *“Здаецца ж, і лёс наш не цёмны, // І час не глухі наш...”*, но всё же человек продол-

жает блуждать, “у ваколле ўзіраецца // Напружаней і пільней” [17, с. 83]. И здесь, кажется, на помощь человеку приходит Вселенная: “Часцей пераходзяць дарогу // І зорка, і рыбіна, й звер, // Каб мы адишукалі нарэшыце // Сябе – // Чалавека” [17, с. 83]. Также Н. Матяш неоднократно обращалась к вопросу осмысления проблемы “материального и духовного в обществе, роли искусства в решении этой проблемы” [22, с. 76].

Человеческое в человеке – это и есть духовная, гуманная истина. На первый план в миропонимании Н. Матяш выступают человеческие качества. В одном из стихотворений поэтесса говорит, что главное, “каб людзі ў шматмільярдным стане // Нарэшыце зваліся людзьмі!” [17, с. 155]. И далее: “О, боязь за другога чалавека!.. // Адна ты робіш чалавека з нас” [17, с. 101]. Г. Корженевская солидарна с Н. Матяш: “У чалавеку // Людское мне дорага” [13, с. 69]. Она уверена, что всему необходимо человеческое тепло: и траве, и реке, и душе, “каб у ёй не было // зацятасці згубнае, // вартае жалю” [13, с. 4].

Человеческий мир с макрокосмосом объединяет образ солнца, дающего вселенной тепло и свет. Человек также является источником тепла и света. Однако возникает вопрос, на который люди постоянно ищут ответ: в чем смысл жизни человека? Белорусские поэтессы неоднократно поднимают этот вопрос в своих произведениях и дают многочисленные ответы на него.

Лирическая героиня стихотворений К. Буйло видит главный смысл существования в том, чтобы “Тварыць дабро. Тварыць дабро...” [7, с. 152], ещё раз напоминая: “Не, ты не вечны, чалавек! // І ў цябе не многа часу <...> Сей добрае! Няхай узыдзе шчыра... // Усё дай людзям, што ты маеш сам!” [7, с. 176]. Е. Лось в сборнике “Хараство” утверждает: “Жыць не магу без дабрата, // Як жаўранак без песні” [16, с. 13]. Поэтесса восторгается жизнью, если в ней правит закон добра: “Сонечна над краем, // Хораша ў жыцці! // Большы памагае // Меншаму расці” [16, с. 48]. Свой сборник поэтесса начинает стихотворением-эпиграфом, в котором восславляет жизнь вместе с добрым человеком: “Хвала жыццю, няўрымслівым – хвала! // Святлее хлеб, дабрэе чалавек, // А чарната, калі яшчэ была, // Сціраецца, сціраецца навек” [16, с. 3]. Смысл жизни Е. Лось видит в волнении и заботах о других, в дружеской поддержке: “І каб не сябра мой – дубок, // Які патрэбна // даглядаць; // І каб не рань, // і каб не сіль, // І каб не чулы // другаяў ліст, – // Магчыма, існавала б я, // А так – жыву і буду жыць!” [16, с. 34]. В стихотворении «Три добрых дела» поэтесса вспоминает народную поговорку-анекдот о трех делах: для людей, сада и земли, совершив которые, человек, можно считать, выполнил

свое предназначение на земле. О добром отношении Е. Лось к людям свидетельствует и письмо к ней от Т. Бондарь: «... Вы правы, когда говорите о трудностях пути поэта, об одиночестве, которое ожидает каждого на этом пути. И все же! Разве ваша доброта, с которой вы относитесь ко всем, кто к вам обращается, не оспаривает что-то в этом?» (19 апреля 1976 г.) [15, с. 1].

В поэзии Р. Боровиковой наблюдается потерянное состояние лирической героини из-за несовершенства мира, переданное самими названиями стихотворений – “Чаму?”, “Навошта... навошта... навошта?!” Поэтессе хочется верить: “*Гавораць жа, свет – з дабрыні*” [1, с. 157]. А лирическая героиня Е. Янищиц создает в своем воображении идеализированный образ Вселенной, подчеркивая внимание на масштабе своих устремлений конструкцией в середине предложения: “*І паўсюль – на свеце! – дабрыня*” [23, с. 322].

Н. Матяш наделяет доброту человекообразующей силой: “*Дабрата // не імпульс, // не парыў, // Не адзінкавы ўсплёск эмоцый, // Калі ёй нададзена тварыць // Чалавека з болю // і самоты*” [17, с. 133]. Поэтессу беспокоит, что в современном мире так мало людей, которые сохраняют добро, милосердие: “*І як мала, як мала між людю такіх, // Хто ва ўласнай хадзе па выбоях // Зберагае, як найдарагое, // Чысты вынік свайго міласэрдзя ва ўсіх, // Сам аж свеціцца хто дабратаю*” [17, с. 217].

“*Наталі маю прагу дабра*” [14, с. 239], – просит лирическая героиня Г. Корженевской. Она способна сочувствовать не только человеку (например, женщине, у которой погиб сын), но и полевой мыши в когтях коршуна, “цветочному росточку”, который пробивается с почвы, осе, которая “ломіцца ў шыбу...”. И даже явления природы – снег и родничок – “*Праз лінзу жалбы успрымае зрок*” [14, с. 181]. В таких случаях говорят о высоком уровне эмпатии (от греч. “*empathēia*” – сопереживание). Качество, несомненно, положительное, но делает личность ранимой, открытой чужой боли.

Белорусские поэтессы, таким образом, приходят к выводу о жизнеутверждающей силе человеческой доброты. Их творчество основано на актуализации нравственного смысла жизни человека. Они воспринимают общечеловеческое как определяющее, видят духовное предназначение человека “*ў служэнні Дабру – чыстаму, усебаковаму і ўсемагутнаму*” [20, с. 18]. Именно человеческая доброта способна изменить жизнь к лучшему.

Широко в творчестве белорусских поэтесс представлена гуманистическая категория, которая является «универсальным мотивом всех добрых дел» [12, с. 35], – великая и мудрая любовь. Любовь все-

могуща. М. Бердяев отмечает: «Любовь – это глубина человеческой природы» [2, с. 314]. Всеобъемлющая любовь чуткого сердца вдохновляет женскую поэзию. Т. Бондарь справедливо думает о роли в жизни человека этой высшей категории, в творчестве которой решающими стали морально-гуманистические мотивы и религиозная традиция: *“Сіла – не ў паняверцы, // У любви. І павер, // Самы большы памер // Рэчаіснасці – сэрца”* [4, с. 48].

Н. Матяш не боится сказать всему миру: *“Жыву! // Люблю! // Не наталюся!”* [17, с. 51]. Любовь даёт силы жить, без неё женщина себя не представляет: *“Як магла б я наведаць // Прагу жыць – // без цябе? // Дзе б я чэрпала сілы // Усміхацца, спяваць? // <...> Безаглядная любасць, Вечны карань душы...”* [17, с. 155]. Когда сердце переполнено любовью, *“Можна, адзіна цяпер мы і варты // Жыцця”* [17, с. 173], – утверждает поэтесса. Н. Матяш уверена во всепобеждающей силе любви: *“Не трэба пытацца, што можна // Любоў наша, аднасць людская...”* [17, с. 177]. В стихотворении “Збыліся” поэтесса ещё раз утверждает хорошо известную формулу бытия: я люблю – значит живу, – *“Мы ёсць. // Мы збыліся”* [17, с. 228].

Г. Корженевская в лирической драме “Осенний мёд” строго разделяет чувства: *“Вы мне пра каханне, // а я пра Любоў”* [13, с. 152], возвышая святое чувство, пишет его с большой буквы, полностью осознавая духовную значимость его для человека, поэтесса готова отдать за любовь всё: *“За новае, яснае ў сэрцы святло // Аддам і гардыню, // і страсць, // і свабоду я”* [13, с. 153].

Особенностью творческой личности Г. Корженевской стало раскрытие в этой высокой моральной ценности такого ракурса как жалость, сопереживание, так называемой любви-агапе, жертвенной и самоотдающей: *“Навучыліся шкадаваць. // Шкадаванне любові вышай”* [13, с. 142]. В этом проявляется единство ее лирической героини с героиней Г. Ахматовой, для которой «милосердие, сострадание, жалость – основные проявления милосердной любви», которая воспринимается как отголосок идей русских философов православного и богословского направления (П. Флоренский, С. Булгаков, М. Лосский и др.) и др.)» [6, с. 10]. Также, как утверждает О. Губская, “эти ценности регулируют поведение каждого индивида общества” [10, с. 189].

Именно в творчестве Г. Корженевской категория любви приобретает выразительное христианское звучание. Определяя концептуальную особенность своей творческой личности, поэтесса пишет: *“І звязаная з небам, // як антэна, // Усіх люблю // і цешуся праменна”* [13, с. 120]. Кстати, лирическая героиня Г. Булыка также указывает на связь с небом: *«Взгляни на небо»* [8, с. 43]. Осмысливая сравнение

«как антенна», уместно вспомнить слова современного поэта А. Разанова: «Человек, творящий, больше, чем он сам, уже дальше, чем здесь. Он, как антенна, содержится не в себе, а в безличном. И чем меньше он имеет в себе своей независимости, чем он чувствительнее, тем он острее, тем он больше, он вся Вселенная» [18, с. 25].

В творчестве Г. Корженевской понятие «любовь» включает в себя не только любовь к человеку, ближнему, окружающей среде, но и ко Всевышнему. По словам М. Бердяева, «есть любовь к человеку через Бога. Он открывает и утверждает вечную жизнь каждого человека. Только это настоящая любовь, христианская любовь. Истинная любовь связана с бессмертием, это не что иное, как утверждение бессмертия, вечной жизни» [2, с. 326]. К такой любви и призывает Т. Бондарь: *“Любіце ўсё і ўсіх на гэтым свеце // Так, як любілі б Госпада свайго!”* [5, с. 153].

Таким образом, вечные общечеловеческие ценности в сочетании с нравственными и христианскими идеалами легли в основу художественного мировоззрения белорусских поэтесс второй половины XX в., они переосмыслили вечные истины и категории бытия, а процесс их самопознания углубил нравственно-гуманистическое содержание их произведений. Человек стал основой личных и общечеловеческих ценностей в творчестве белорусских поэтесс, их духовно-философского понимания мира, стал мерой всего. Они превозносят исключительную, особую силу человеческой доброты, в которой заключен нравственный смысл человеческой жизни. В лирике рассматриваемых нами авторов преобладает идея великой гуманистической любви, являющейся универсальным мотивом всех добрых дел. В произведениях Г. Корженевской присутствует и такая ее разновидность, как любовь-агапе. Любовь в лирике Н. Матяш, Т. Бондарь, Г. Корженевской и др. приобретает христианское звучание, в их стихотворениях воплощено понимание того, что христианская вера – источник нравственного совершенствования и духовного обогащения.

1. Баравікова, Р.А. Дрэва для райскай птушкі: лірыка / Р.А. Баравікова; прадм. І. Штэйнера. – Мінск: Маст. літ., 2007. – 270 с.

2. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – Харьков: Фолио; М.: ООО “Изд-во АСТ”, 2000. – 400 с.

3. Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / Н.А. Бердяев. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1. – 542 с.

4. Бондар, Т. ...І голас набыла душа: вершы і паэмы / Т. Бондар. – Мінск: Маст. Літ., 1980. – 111 с.

5. Бондар, Т. Час души, мой час вячэрні: лірыка / Т. Бондар. – Мінск: Маст. Літ., 1995. – 158 с.

6. Брадзіхіна, А.В. Сучасная беларуская інтымная лірыка: генезіс, тэндэнцыі развіцця, кантэкст: аўтарэф. ... дыс. Канд. філал. Навук: 10.01.01; 10.01.08 / А.В. Брадзіхіна; НАН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – Мінск, 2005. – 22 с.
7. Буйло, К. ...Коціцца рэха: вершы, паэма, лісты / К. Буйло. – Мінск: Маст. Літ., 1993. – 286 с.
8. Булыка, Г. Сінтэз: вершы / Г. Булыка. – Мінск: Маст. літ., 1986. – 86 с.
9. Века, А. “На Беларусі Бог жыве...”: біблейскія сюжэты і матывы ў паэзіі Уладзіміра Караткевіча / А. Века // Роднае слова. – 1995. – № 11. – С. 23–35.
10. Губская, О.Н. Роль национальных особенностей в вопросе о стратегии коммуникации / О.Н. Губская // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты [Электронный ресурс]. – Омск, 2019. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37368001>. – Дата доступа: 01.11.2020
11. Жилевич, О.Ф. Роман С. Жермен “Взгляд Медузы” как аллегория современного мира // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 53–56. – Режим доступа: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/15268>. – Дата доступа: 01.11.2020.
11. Жураўлёў, В.П. У пошуку духоўных ідэалаў: на матэрыяле беларускай літаратуры XIX – пачатку XX ст. / В.П. Жураўлёў; НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; пад рэд. У.В. Гніламёдава. – Мінск: Беларус. Навука, 2000. – 191 с.
12. Каржанеўская, Г. Асенні мёд: вершы розных гадоў / Г. Каржанеўская. – Мінск: Маст. Літ., 1999. – 159 с.
13. Каржанеўская, Г. Невымоўнае: вершы / Г. Каржанеўская. – Мінск: Маст. Літ., 1991. – 287 с.
14. Ліст Т. Бондар да Е. Лось // БДАМЛМ. – Фонд 141. – Воп. 3. – Адз. Зах.113. – Арк.1.
15. Лось, Е. Хараство: лірыка / Е. Лось. – Мінск: Беларусь, 1965. – 131 с.
16. Мацяш, Н. Паміж усмешкай і слязою: вершы і паэмы (1962 – 1992) / Н. Мацяш. – Мінск: Маст. Літ., 1993. – 301 с.
17. Разанаў, А.С. Сума немагчымасцяў: зномы / Алесь Разанаў – Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. – 122 с.
18. Семашкевіч, Р. Выпрабаванне любоўю: эсэ, арт. / Р. Семашкевіч. – Мінск: Маст. літ., 1982. – 206 с.
19. Соловьёв, В.С. Собрание сочинений: в 10 т. / В.С. Соловьёв; под ред. И прим. С.М. Соловьёва, Э.Л. Радлова. – 2-е изд. – СПб.: Просвещение, 1911. – Т. 1: 1873–77. – 406 с.
20. Шклярава, Н. Міг і вечнасць: вершы / Н. Шклярава. – Мінск: Маст. літ., 1979. – 72 с.
21. Шматкова, І.І. Чалавек – паэт – грамадства ў беларускай жаночай паэзіі другой паловы XX стагоддзя / І.І. Шматкова // Социальные, политические и культурные процессы на территории Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: материалы II Международной научной конференции, Пинск, 24 – 25 ноября 2017 г. / Полесский государственный университет. – Пинск, 2017. – С. 75 – 78. – Режим доступа: <https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/13020/1/%D0%A8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%86.pdf> – Дата доступа: 01.11.2020.

2. Янішчыц, Я. Пачынаецца ўсё з любві...: вершы, паэмы / Я. Янішчыц. – Мінск: Маст. літ., 2008. – 339 с.

**PERSONAL AND PUBLIC IN BELARUSIAN WOMEN'S POETRY OF
THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY**

Iryna Shmatkova

Belarus State University, Minsk, Belarus
i.shmatkova@gmail.com

The article examines the embodiment of personal and universal values in Belarusian women's poetry of the second half of the XX century. On the example of the works of E. Yanishits, N. Matyash, G. Korzhenevskaya, R. Borovikova and others, the author analyzes the leading poetic images that form the basis of the spiritual world of Belarusian poetesses.

Keywords: personal and universal values, humanism, morality, Belarusian women's poetry.